

Владимир Беляков

Норильские судьбы

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-311.6
ББК 84(2)6
Б44

Беляков В. В.

Норильские судьбы / Беляков В. В. — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2020. — 275 с.

ISBN 978-5-532-99767-7

Герои повестей и рассказов — в основном бывшие заключенные Норильлага. Рассказы являются художественно-историческим описанием событий и основаны на воспоминаниях очевидцев, на их личном опыте и документальной хронике времен строительства комбината «Норильский никель». Рассказы повествуют о судьбе крепких духом людей, которых не щадила тюремная машина. Несмотря на все невзгоды, они не теряли надежду на лучшее и сохранили человеколюбие и веру в справедливое будущее. Все персонажи являются вымышленными собирательными образами, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

ISBN 978-5-532-99767-7

© Беляков В. В., текст, 2019
© Omiko Trading LTD., оформление, 2020

Содержание

П О В Е С Т И	6
Аника и Михай	6
Михай	6
Аника	8
Как тебя зовут?	11
Самый большой начальник	13
Встреча	15
Бартер	21
Костя	24
Возвращение	26
Черные флаги в год Черной змеи	28
Год черной змеи	28
Восстание	30
Начальник караула	34
Полковник МГБ	36
Открыть огонь!	40
Расстрел стачечного оплота	42
Послесловие	46
Каларгон	48
Предисловие	48
Часть 1	51
Часть 2	52
Часть 3	54
Часть 4	55
Часть 5	57
Часть 6	58
Часть 7	61
Часть 8	62
Часть 9	66
Часть 10	68
Часть 11	70
Часть 12	71
Участковый	74

Предисловие	74
Ба! Знакомые все лица	74
Работа у нас такая...	76
Рейды	77
Немного истории и снова рейды	78
Начало охоты	81
Продолжение охоты	84
На охоту неохота	86
Темная сторона сущности	87
Р А С С К А З Ы	93
Цыгане. Рассказ Вольдемара	93
Дядя	102
Широков	116
Чай в койку или две ошибки капитана	129
М Е М У А Р Ы	135
Неотправленное письмо на деревню дедушке	135
Мусорщик	182
Часть 1	182
Часть 2	183
Часть 3	186
Часть 4	190
Часть 5	193
Часть 6	196
Часть 7	199
Часть 8	201
Часть 9	203
Часть 10	205
Часть 11	206
Часть 12	209
Часть 13	211
Часть 14	213
Часть 15	216
Послесловие	217
Слава советскому труду	221

Гудок	221
Мост перейти нельзя	223
Лицом к лицу с Америкой	224
И на Марсе будут яблони цвести	226
Провальный блицкриг	230
Хрущева на мясо	232
Служу Советскому Союзу	234
Генсек	238
Учение – свет, а неученых тьма	242
ИТР только звучит гордо	245
Знакомство с Эйндховеном	248
Промысловик. Или за что боролись, на то и напоролись	254
Какой шарман	258
Хозяйственный подход	260
От застоя к отстою	262
Товарищ, не в силах я вахту держать	263
Приплыли или «Полундра!»	268
Лохи и каталы	271
Большому кораблю или еще не вечер	273

П О В Е С Т И

Аника и Михай

Михай

Полярная зима, девять месяцев хозяйничавшая на просторах Таймыра, спешно сдавала свои позиции. Противостоять небесному светилу она уже не могла.

Солнце поднималось на востоке вверх. Чем выше, тем ярче и теплее становились его лучи. Они проникали внутрь ложбин и оврагов, где еще оставался снег, превращая его в мокрую кашу. Крушили многометровый лед, разрывая его на блестящие хрустальные иглы. Согревали тундру, возвращая жизнь в ее просторы. На западе солнце скатывалось вниз, остывая, катилось по горизонту, как бильярдный шар вдоль борта, и, не найдя лузы, снова поднималось на востоке.

Жизнь, кажется навсегда покинувшая все вокруг, снова возвращалась. Выпустили листву ива, ольха, можжевельник, зацвела смородина. Зазеленели иголки лиственниц. Скрученная и завязанная в узел карликовая березка, опираясь на багульник, распрямила ствол, протянув к солнцу ветки. Забушевала трава. Лайды ягеля, брусничника, голубики, морошки создали пестрый красочный ковер. Вдоль ручейков появились первые полянки жарков огненного цвета.

Озеро Пясино, наполняясь талой водой, раздвигало берега. Искрящаяся голубизной на солнце вода заполнила все пространство до горизонта. Многочисленные заводы, протоки, забитые глыбами льда, уже были не в силах удерживать его и выталкивали в озеро. Огромные ледяные торосы, сползая с берегов, освободившись из плена, почувствовав простор и свободу, успокаивались в воде и, подставляя холодные, ледяные бока под яркие лучи, начинали нежиться под блестящим солнцем. Согреваясь, таяли, превращаясь в стеклянные стержни, рассыпаясь с хрустальным звоном. Этот звон в без-

молвной тишине тундры заполнил все пространство от берега до берега на десятки километров.

Лодка, выписывая виражи между льдинами, то и дело попадающими на пути, скользила по глади озера. Встревоженные стаи уток, гагар, чирков поднимались вверх и разлетались в разные стороны. Бакланы, облюбовав дрейфующие льдины, важно разгуливали на них. Неугомонные крачки криком оповещали о своем полете.

Мотор то и дело подбрасывало от попавших под винт кусков льда. Раздавался рев, винт начинал кавитировать, захватив воздух. С ударом об транец двигатель возвращался назад.

Михай, по прозвищу Молдаван, сидел на транце, держась за румпель, внимательно всматривался в воду. Матерился, когда лодка налетала на льдину. Сбрасывал обороты. Ждал, когда винт снова захватит воду, опять добавлял обороты, и лодка снова выходила на глиссирование.

Внутри лодки под накрытым брезентом лежали новый лодочный мотор, два ящика спирта, два ящика водки, рюкзак с продуктами, канистры с бензином.

Вот уже несколько лет, сразу после прохождения ледостава, он отправлялся на лодке из поселка Валёк на несколько дней по одному и тому же маршруту. Спускался вниз по реке Норильская, затем по озеру Пясино и уже из него, пройдя более ста километров, входил в речку Пясино. По берегам этой реки, протяженностью более восьмисот километров, были разбросаны многочисленные временные станки, хозяйства и поселения местных промысловиков, рыбаков, оленеводов коренных национальностей.

Его цель – успеть первым, до появления в поселках заготовителей, произвести своеобразный бартерный обмен с местным населением, меняя спирт, водку на рыбу, пушнину, камус, унтайки.

Но, производя обмен «по справедливости», много навару не получишь. Зная слабость местных аборигенов к спиртному, для реализации своей цели он разыгрывал настоящие спектакли. И если в поселении находился хоть один из жителей, который вступал с ним в контакт и велся на первую кружку с водкой, успех был гарантирован. Срабатывала цепная реакция, подходили следующие, и через корот-

кий период поселение валялось мертвецки пьяным. А он выгребал все, что ему хотелось.

К первому небольшому станку, состоящему более чем из десятка яранг и балков, подъехал уверенно. Здесь в самой крайней яранге жил человек, с которым они когда-то отбывали срок и часто пересекались на рабочих площадках Норильлага.

Михай был уголовником-рецидивистом, имел за плечами несколько ходок. За последний вооруженный грабеж был осужден по пятьдесят девятой статье – бандитизм. Приговор – пятнадцать лет.

Его знакомый был из политических. За «государственную измену и пособничество японской разведке», объявлен «врагом народа». Приговор суда – двадцать лет с поражением в правах, без права переписки.

Три года назад они случайно встретились здесь, за сотни километров от Норильска на берегу, где речка Черная впадает в Пясину. Тогда-то Михай узнал, что его знакомого местные уважительно называют Аника, что в переводе с нганасанского означает Большой.

Аника

Мужчине было уже за сорок. Славянской внешности, крепкого телосложения, под два метра ростом на фоне аборигенов он действительно казался великаном. Никто из местных не знал, кто он был на самом деле, откуда и каково его настоящее имя.

На временной стоянке у озера Половинное он появился в конце ноября 1953 года. Вспыхнувшее норильское восстание после того, как сержант Дьяков через зону открыл огонь из автомата по сидевшим на крыльце лагерного барака заключенным, было давно подавлено. В 3-ем «каторжном» отделении, где он сидел, как и по всему Норильлагу, продолжались аресты, избиения, допросы. К имеющимся срокам добавлялись новые. К двадцати годам по приговору, ему как участнику мятежа грозила высшая мера. Вот он и задумал побег.

Мало кто решался на такую авантюру. И не потому, что за побег срок увеличивался на десять лет, а за повторную попытку – приговор к расстрелу.

Сам побег в бескрайнюю тундру, да еще зимой означал смертный приговор самому себе и звучал как самоубийство.

Терять было нечего. Из двух зол все одно – смерть. И он решился. Ждал, когда представится удобный случай.

И вот такой момент настал. Его и еще около двадцати заключенных временно перевели на угольный разрез Кайерканского лаготделения, где загружались, формировались вагоны с углем для Норильска и Дудинки.

Две последние недели октября держалась ясная морозная погода. Ночью температура опускалась ниже двадцати пяти градусов. Затем подул южный ветер, мороз ослаб, началась пурга. Снег более суток падал сплошной стеной. Усиливающийся ветер наметал метровые сугробы, закрывая собой стальные жилы железнодорожных путей.

Отделение бросили на расчистку переезда Кайеркан – Угольный разрез. За поездом прицепили вагончик – теплушку. Впереди шли заключенные лопатами разгребая сугробы. Ветер дул с такой силой, что вырывал из рук лопаты, сдувал с насыпи. Замерзнув, заключенные залезали в теплушку, их меняла следующая бригада. Так поезд двигался вперед. Охрана, пригревшись, сидела у «буржуйки» и криками заставляла торопиться меняющихся, чтобы сохранить тепло в вагончике.

Тех, кто, обессилив, отставал, падал и не мог самостоятельно взобраться, не ждали, бросали. Останки людей собирали потом, ближе к весне, грузили на платформы и отправляли в Дудинку, где их на санях, телегах по льду везли на остров Кабацкий и там сгружали. Весной в половодье сотни безымянных трупов уносило вниз по течению Енисея.

В эту расчистку в теплушку он не вернулся. Завалился набок, скатился с насыпи. Бежал, захватив с собой самодельный нож и спрятанные в хлебном мякише спички. Держал направление в сторону речки Амбарная, чтобы по ее берегу добраться до озера Пясино.

Ориентиром служил южный ветер, ударяющий и подгоняющий в спину.

Вдоль озера, протяженностью более семидесяти километров, по рассказам заключенных, находились рыбацкие и охотничьи избы. В них по принятым традициям охотников и рыбаков всегда оставались продукты, дрова, одежда.

Через три часа он вышел на первую избу. Скорее всего, это была землянка, врытая в берег, с бревенчатым накатом из лиственницы. В ней нашел старые самодельные лыжи, продукты питания. Отлеживался несколько суток. Днем изучал местность, запоминал ориентиры. Когда закончились продукты и дрова, пошел дальше.

Так, передвигаясь от избы к избе, он две недели шел вдоль озера Пясино.

Выйдя в очередной раз, из-за сильного внезапно поднявшегося ветра и плохой видимости сбился с пути, потерял основной ориентир – берег. Ушел на север и, когда силы стали его покидать, вышел уже на другое озеро Половинное и пошел по льду.

Ветер со снегом усиливался. Передвигаться приходилось практически на ощупь. Два раза провалился в наледь. Валенки пропитались водой и превратились в ледяные ступы. На лыжи налип мокрый снег. Портянки промокли, ноги ооченели. Снежной кашей залепило лицо, глаза. Грудь и подбородок покрылись ледяной коркой. Силы покидали его, наступила апатия и чувство обреченности. Мысленно он уже смирился с безысходностью, когда споткнулся о замороженный в лед деревянный кол. Упал прямо в не успевшую замерзнуть смотровую лунку. Ватник промок насквозь. По телу и ногам вода ручейками скатывалась вниз, наполняя валенки. От колышка под лед уходила веревка. Это были прогоны с рыболовными сетями. Значит, где-то рядом должны быть люди. С последними усилиями он начал передвигать ноги, с пудовыми наростами наледи на лыжах. Сил уже не оставалось. Сбросил лыжи и, проваливаясь в снег, прошел несколько сотен метров вдоль берега, когда отчетливо услышал лай собак. Он вышел на одну из четырех стоящих здесь яранг.